

В. Н. Корнев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

В сочинениях идеологов славянофильства мы находим определенные ответы на вопросы о смысле права, государства и общества и на вопрос о сущности государственной власти.

Славянофилам удалось выработать целостную политико-правовую идеологию, отдельные аспекты которой мы намереваемся рассмотреть в настоящей статье. В контексте предпринимаемых усилий по выработке в нашей стране национальной государственно-правовой идеологии взгляды славянофилов представляют, по нашему мнению, весьма значительный интерес.

Своеобразием концепции права состояло в том, что славянофилы не рассматривали его как замкнутую, особую систему норм должностования в духе философии права И.Канта. Правовые нормы, по убеждению славянофилов, — это разновидность этических, моральных норм. Поэтому на первое место выдвигались не права, а обязанности. Дальше мы постараемся показать, что именно такая трактовка права обуславливала особенности славянофильской концепции государства и власти.

У А.С.Хомякова мы читаем: «Наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопроизвольных пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях. Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не то закона внешнего, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права. Следовательно, наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях».¹ И далее: «... идея о праве не может разумно соединиться с идеей общества, основанного единственного на личной пользе, огражденной договором. Личная польза, как бы себя не ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш. Она никогда не может взойти до понятия о праве, и употребление слова право в таком обществе

есть не что иное, как злоупотребление и перенесение на торговую компанию понятия, принадлежащего только нравственному обществу».²

Интересно отметить, что А.С. Хомяков различает понятия «наука прав» и «наука права». Наука прав занимается исследованием положительного права, источниками которого является обычай, закон и т.д. Он считает, что юридическая наука в таком ее виде имеет право на существование, но возможности ее ограничены, поскольку она носит формальный и отвлеченный характер и не имеющей под собой реальных основ в виде нравственных обязанностей.

В русской политико-правовой мысли мы находим аналогичную формулировку соотношения права и обязанности. В частности, декабрист П.И.Пестель в «Русской Правде» писал: «Каждое право основано быть должно на предшествующей обязанности. Право есть одно только последствие обязанности и существовать иначе не может, как основываясь на обязанности, ему предшествовавшей... Право без предварительной обязанности есть ничто, не значит ничего и признаваемо быть должно одним только насилеием или зловластием» (П.И.Пестель, «Русская Правда», СПб., 1906. С.3,4)³. Конечно же, здесь мы можем отметить только чисто внешнее сходство в идеях декабристов и славянофилов. Оно не затрагивает глубинных моментов философских предпосылок их политических и идеологических установок.

К такой интерпретации связи между правом и обязанностью склонялись известные русские юристы, как П.И. Новгородцев⁴, Н.Н. Алексеев⁵ и др.

Славянофилы указывали на тесную взаимосвязь общества и государства. Вместе с тем они не отождествляли социальную и государственную организации. Напротив, именно социальной организации в лице общины (народа,

² Хомяков А.С. Указ.соч. С. 93

³ Устрялов Н.В. Очерки философии эпохи. М., 2006. С.48.

⁴ См.: Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // История философии права СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург) Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. — С. 506-521

⁵ См.: Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М., 1998.С. 155-168.

¹ Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. — М., 1988. — С.92.

общества) они отдавали как историческое, так и практико-политическое первенство. На этот счет известны слова одного из идеологов славянофильства К. Аксакова, который утверждал, что русский народ отличает «землю» и государство — «земля есть община, живущая согласно внутренней правде («по Христу»), государство же живет внешней правдой. Идеальное отношение между государством и обществом, как полагал К. Аксаков, это состояние взаимного невмешательства. У общества и государства есть особые, присущие каждому из них в отдельности цели и задачи.

Прерогативой государства является применение закона и силы. Эти государственные средства используются только тогда, когда обществу угрожает внешняя опасность. Данное обстоятельство не меняет, однако, отношения народа к власти: он по-прежнему продолжает свое общинное существование. Характерным являются неоднократно упоминаемое в литературе утверждение славянофилов о том, что народ не стремится к государственной власти. Они считали, что русский народ не властолюбивый, он не настаивает на предоставлении себе политических прав. Для него важна не внешняя свобода, а свобода внутренняя, которая выражается в принципах христианского вероучения.

Вместе с тем, как показывает анализ работ представителей славянофильства, они не отрицали ни государства, ни права. Они рассматривались с точки зрения отношения к обществу. Весьма проницательную и заслуживающую внимания интерпретацию этой проблемы дал известный русский ученый-юрист Н.А. Захаров. На наш взгляд, принимая ее во внимание, следует скорректировать оценку политико-правовых взглядов славянофилов, которая несет на себе отпечаток позиции А.Д. Градовского, который упрекал их в небрежении государственными и правовыми началами⁶. Насколько это было не так — убедительно доказывает Н.А. Захаров, основываясь на анализе концепции соотношения государства, общества и права, которую разработал И.С. Аксаков.

По словам Н.А. Захарова И.С. Аксаков восставал против установившейся теории права как некоего элемента принуждения, стоящего вне жизни общества. Он стремился показать, что все понятия регулирующих жизнь норм должны исходить от общего духа народа (а это уже основной тезис исторической школы права — В.К.), что все эти нормы должны жить и меняться согласно с развитием народа, его духовных потребностей, а не оставаться неизменяемыми принципами, по которым необходимо строить жизнь. Осуждая и науку, дающую такое учение, и сторонников ее, он не отрицал полностью ценность государства. И.С. Аксаков хотел показать, что не отвлеченные принципы должны нормировать жизнь государства, а историческое развитие жизни государства и выработавшейся вместе с

этим дух должен служить использованием к созданию норм, сохраняющих свою силу вместе со своей жизнеспособностью и соответствием национальным заветам⁷.

В обоснование своих выводов Н.А. Захаров приводит высказывание самого И.С. Аксакова: «Наука, или та совершенная и замкнутая со всех сторон отшлифованная отдельная теория, возвещает нам, что в мире нет ничего, кроме мертвого государственного механизма, что все совершается и должно совершаться от власти и посредством власти, в какой бы форме она не проявлялась, лишь бы носила она на себе печать внешней законности, — что, наконец, сама жизнь, следовательно, и жизнь духа, есть одно из отправления и функций государственного организма. С точки зрения такой несчастной доктрины, нет места, вне порядка государственности, никакому свободному творчеству народного духа. Начало внешнее, начало принудительное (в монархической или республиканской форме), начало правды формальной и условной ставится выше начала внутренней свободы, правды и совести. Проповедники смешивают внешнее с внутренним, форму с содержанием, норму с живой самостоятельной силой, кору с сердцевинной... Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него, как единственную цель и полнейшую норму человечества. Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоит выше закона и правды внешней... Для юриста важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость. Его соответствие или несоответствие современному уровню общественной нравственности, его содержание, а не сигнатуры. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное. И бессмысленен закон, носящий в себе притязания уловить в свои тесные рамки, свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто для себя и по себе существующее; неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так, сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости»⁸.

Таким образом, видя в государстве и праве выражение отвлеченной мысли, И.С. Аксаков ищет жизни в обществе, в народе. Поэтому он задается естественным вопросом: «Что такое общество?» и отвечает на него: «Общество, по нашему мнению, есть та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа, которая создается всеми силами народными, разрабатываю-

⁶ См.: Градовский А.Д. Славянофильская теория государства (письмо в редакцию) // А.Д. Градовский. Сочинения СПб., 2001. С. 463-474.

⁷ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 100.

⁸ Цит. по Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 100-101. См., также: Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // И.С. Аксаков. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 132-158.

щими народное самосознание. Другими словами, общество есть народ во втором варианте, на второй ступени своего развития, народ самосознающий»⁹.

При таких взглядах на государство и общество Аксаков противопоставляет их друг другу, причем свои симпатии оставляет на стороне второго. Государство, по его определению, есть начало внешней деятельности; общество — внутренней, нравственной, умаляющей деятельность внешнюю, полагающей ей нравственные пределы. При отсутствии общества, при бездействии его государственное начало, захватывая все шире и шире круг своей деятельности внутри государства, может, наконец, как кора сердцевины, сдавить и почти заглушить жизнь народа, находящегося на степени непосредственного бытия. И в этом случае только сознание народных начал, только общество, служащее истинным выражением народности может спасти народ и остановить растущее внутри государство.

Восставая против чрезмерного порабощения всех областей жизни государством, роль которого в России, по его мнению, разрослось чрезмерно, он считал, что государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, которые полагает им духовная и нравственная силы, выражением чего должно служить свободное печатное слово. Разграничивая общество и государство, он противопоставляет государственной деятельности общественную, которая на русском языке обозначается словами земля, земство, земщина¹⁰. Он ратовал за широкое развитие местного самоуправления и был сторонником, как и другие славянофилы, земского собора, как органа, способного выражать мнение всего общества. Таким образом, И.С. Аксаков не разработал чисто юридическое учение о государстве. Вместе с тем его идеи можно квалифицировать как демократические. Более того, как мы убеждаемся, выступал за такое демократическое право граждан как свобода слова. Конечно же, он давал свою интерпретацию этому праву.

Однако это все же иной вопрос. Здесь важна сама идея. По этому поводу он писал: «Человек, стесненный в свободе мыслить и выражать свою мысль словом, чувствует себя стесненным во всех своих действиях, требующих участия мысли и воли, — не годится ни для какого общественного дела, плохой гражданин, плохой слуга обществу и государству»¹¹.

Осуществление власти — это право государства. Вместе с тем для нормального существования государства

важно отношение к нему со стороны народа: как средству или как к цели, что государство для народа. Русский народ, как народ истинно христианский, не может в силу своих религиозных убеждений всецело включаться в политические процессы по государственному управлению обществом, осуществлению государственной власти. Путь русского народа, как считали славянофилы, не есть путь политических устремлений и притязаний. Став на этот мысленный путь он может сойти с пути истинного: внутреннего нравственного пути.

Когда государственность и политические свободы становятся целью народа, исчезает его высшая цель — внутренняя правда и свобода. За такие утверждения славянофилы были неоднократно критикуемы их противниками. Вместе с тем следует глубже вдуматься в содержание их выводов относительно сомнения в принципах демократии, как в целом неприемлемых для русского народа. Возможно, корни негативного отношения к демократическим формам лежат не на поверхности, а имеют онтологическое обоснование, вытекающее действительно из особенностей и неповторимости судьбы русского народа. И все это нельзя объяснить ссылками на научные авторитеты, какими бы авторитетными они не были. Здесь нужна объективная оценка наследия славянофилов с позиции современности и в контексте мировых политико-правовых и социальных процессов, происходящих на наших глазах, которые все более свидетельствуют о том, что невозможно создать рациональные схемы, в коих бы уместилось все разнообразие жизни человеческой.

Таким образом, по мысли славянофилов государственная жизнь должна проходить по своим законам отличным от тех законов, по которым жило общество (община). В их представлениях община — это союз свободных людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом: общественным обычаем. Итак, народ не должен властвовать, но власть государственная обязана все же своим бытием народу.

Эта предпосылка положена в основу славянофильской теории власти, которая заслуживает пристального внимания. Власть рассматривается славянофильскими идеологами не как право или какая-либо привилегия, а как повинность, как обязанность. Особенно ценна в этом смысле книжка Д.Х. (под таким псевдонимом публиковался Д.А.Хомяков — В.К.) «Самодержавие», появившееся в 1903 году на правах рукописи в количестве 500 экземпляров и по высочайшему повелению тогда же запрещенная к перепечатке (она перепечатана после 1905 года). Эта книжка является последним памятником славянофильства, в высшей степени ценным в силу своей полноты и свободы своих суждений.¹²

⁹ Аксаков И.С. Указ. Соч. С. 136-137. Захаров Н.А. Указ.соч. С.101-102.

¹⁰ См.: Захаров Н.А. Указ. соч. — С. 103

¹¹ Аксаков И.С. Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политическою формою правления//И.С. Аксаков. Отчего так плохо живется в России? — М., 2002. — С. 577.

¹² См.: Устрелов Н.В. Очерки философии эпохи. М., 2006. С.47. В настоящей статье мы используем текст работы Д.А. Хомякова «Самодержавие. Опыт схематического построения

Выстраивая свою концепцию государственной власти, славянофилы разграничивали понятия «абсолютизм» и «самодержавие» и всячески подчеркивали своеобразие русского самодержавия. «Царь, царствуя, — писал Д.А. Хомяков, — почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа ... Власть, понята как бремя, а не как «привилегия», — краеугольная плита христианского самодержавия».¹³ Самодержавная власть не может противопоставлять себя народу, т.к. эта власть существует именно потому, что народ отказывается нести бремя власти и перепоручает ее самодержцу. Здесь мы можем уловить идеи народного суверенитета, но суверенитета, построенного не на рационалистических основах, а пронизанного христианским (православным) мистицизмом. «Самодержавие, (или единодержавие- В.К.) — не боясь цензурных рогаток пишет Д.А. Хомяков, — есть олицетворение народа, следовательно, часть его духовного организма, и поэтому сила служебная ... Призвание его состоит в том, чтобы творить не волю свою, а ... вести народ по путям, народом самым излюбленным,» а не предначертывать ему измышленного пути. Задача самодержца состоит в том, чтобы указывать потребности народные, а не перекраивать их по своим, хотя бы «гениальным» планам. Весь строй самодержавного правления должен быть основан на прислушивании к этим потребностям и к тому, как народ понимает сам средства удовлетворить их.»¹⁴

Совсем по-иному обстоят дела при абсолютизме или восточной деспотии: там власть совершенно отрешена от основ народного бытия. Славянофилы интуитивно чувствовали и указывали опасность формальной демократии особенно, что касается России. Принцип власти, по их мнению должен быть живым, органичным. Он должен захватывать душу человеческую, корениться в тайнах веры, в обаянии авторитета, а не в выкладках корыстного расчета.¹⁵ Одним словом, славянофилы пытались отыскать такую форму правления, которая не допускала бы повторения недостатков демократии западного типа, а органически вырастала бы из быта российского народа.

Славянофильский иррационализм в понимании природы общества, государства и права противопоставляется западноевропейскому рационализму с его концепцией правового государства, конституционализмом, правами и свободами человека и гражданина. Поэтому, как верно отмечал известный русский правовед и государствовед С.А. Котляревский, «мировоззрение славянофилов не могло обосновать начал правового государства, так как

этого понятия» по изданию: Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие, Народность. М., 2005. С.202-326.

¹³ Хомяков Д.А. Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия // Д.А. Хомяков. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С.291.

¹⁴ Хомяков Д.А. Указ.соч. С. 212.

¹⁵ См. Устрялов Н.В. Указ.соч. С.83.

оно совершенно не оценивало правовых гарантий. Но сама проблема осознавалась, только вместо правовых гарантий предполагались религиозно-моральные обоснования, которые должны обеспечивать единение царя и народа, власти государства и мнений земли. В политическом мировоззрении славянофилов был некоторый теократический элемент».¹⁶

К утверждению С.А. Котляревского, в целом верно, необходимо, как представляется, добавить несколько замечаний относительно места правовых гарантий и их роли в славянофильской политико-правовой доктрине. На наш взгляд вернее было сказать, что славянофилы скорее недоценивали роль и значение юридических гарантий, чем, как выразился С.А. Котляревский, вообще их не оценивали. Как было показано ранее у славянофилов, сложилась своеобразная правовая концепция. Они признавали значимость формально-юридической науки о праве. Однако абстрактные правовые нормы имели ограниченный круг действия. С другой же стороны славянофилы выдвинули собственную, правовую доктрину и поэтому их не устраивал подход к праву как сугубо формальному явлению, поскольку такое правопонимание не вписывалось в рамки славянофильской политико-правовой теории. По их мнению, право приобрело смысл и значение регулятора отношений, складывающихся между обществом и государством только тогда, когда нормативы нравственно оправданы и не исходят только от государства. В связи с этим в системе источников права они отдавали предпочтение обычаю, а не закону. Поэтому один из идеологов славянофильства А.С. Хомяков и отмечал, что целью всякого закона является обращение его в обычай, поскольку только он будет понимаем народом и наилучшим образом выполнит роль регулятора общественных отношений.

В связи с этим чрезвычайно интересными являются замечания И.С. Аксакова о том, почему в России все-таки в системе права господствующее положение занимает обычай. Причиной тому было широкое распространение обычного права, особенно среди крестьян. И.С. Аксаков упрекал ученых-юристов за невнимание к нему и писал: «У нас нет русских юристов: у нас есть чиновники, хорошо знающие Свод законов, знающие все судебские ходы и выходы, и ученые доктора римского права, столько же русские в области юридической науки, сколько их учителя — немцы. Народных юридических обычаев и воззрений ни один русский ученый-юрист не ведает, а опытность чиновника знающего наизусть Свод законов и умеющего прилагать его к внешней судебной практике, не дает ему никакого права называть себя юристом в ученом смысле слова; он не выносит из этого значения из этой опытности никакого цельного юридического созерцания уже потому, что строгой органической системы нет и не может быть в

¹⁶ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 103

самом предмете его изучения и казуистической опытности, по самому свойству происхождения этого предмета»¹⁷.

Поэтому он призывал русских юристов изучать обычное право, систематизировать его, придавать обычаям юридическую силу и сделать их достоянием теории и юридической практики. Тогда они станут понятны народу и законодательство, проникаясь народным правосознанием, не будет чуждым ему и не будет стремиться регулировать жизнь общества по иноземным образцам на основе, как выразился И.С. Аксаков, теорем римского права, возникших на совершенно иных основах и в иных условиях.

Примечательно, что сам же С.А. Котляревский в разработанный им теории правового государства обращался к сверхправовым, нравственно-религиозным основам, как конечной гарантии свободы личности, нормального устройства общества и государства. Не в одностороннем рационализме, а в высших нравственно-религиозных ценностях, находит свое оправдание правовое государство.¹⁸

В более поздней работе, вышедшей в совершенно иных социально-политических и идеологических условиях, С.А. Котляревский с особой силой выступил против формализма и гипертрофированного рационализма в понимании права и за нравственно-религиозное обоснование государственно-правовых институтов. В этом смысле правопонимание С.А. Котляревского, хотя он и был видным представителем либерального направления в русском государствоведении и правоведении, в определенной степени сближалось с традиционным (консервативным) видением соотношения права и нравственности, имеющим свои мировоззренческие основы в славянофильстве. Наиболее показательной в этом смысле является его работа, в которой он писал: «Есть два основных типа нравственной философии. Представители одного разделяют мир сущего и мир должного, оставляя человека под властью этого неразрешимого дуализма. Такова философия Канта. Представители другой находят высший между ними синтез, утверждают онтологическую основу нравственных норм. Такого учение Платона. Лишь здесь может найти человеческий дух удовлетворения. Ибо норма, поставленная перед нами лишь как норма, может принадлежать миру призраков, иллюзии, навязчивых идей.... реальность добра мораль собственными силами никогда в состоянии раскрыть, здесь открывается область религии.»¹⁹ Эти слова написаны после тех потрясений, которые принесла с собой Октябрьская революция.

Возрождение России С.А. Котляревский, да и не только он, видел не в восстановлении правовой системы, а в возрож-

дении тех нравственных начал и устоев народа, которые были разрушены. Стало быть нравственно-религиозные императивы — это те истинно реальные и действенные, носящие онтологический характер предпосылки общества, государства и права в их единстве и различии.

Необходимо отметить, что славянофильство отражало общую тенденцию стремительного нарастания вражды к гипертрофированному рационализму в науке, в том числе и правовой, которое происходило во второй половине XIX века.²⁰ Влияние славянофилов настолько было сильно, что, как отмечал П.И. Новгородцев «самые воодушевленные западники, в конце концов, сами того не зная, превратились в славянофилов. Углубляясь в учение жизни своего собственного народа и подходя ближе к европейской культуре, они нередко убеждались, что слишком поспешно отрицали самобытные пути России и что Запад не является единственным и безусловным образцом всякого развития культуры».²¹

Проблема рационального и иррационального, их соотношения в процессе познания общества, государства и права находится в центре внимания и современной юридической науки в России, так и зарубежной.²² Для отечественной юридической науки данная проблема не нова, как мы в этом убедились.

Гипертрофия рационального — это прямой путь к утопизму, о чем в свое время предостерегали лучшие умы русской философии права (С. Франк, П. Новгородцев).

В контексте заявленной темы весьма интересной и показательной представляется эволюция оценки политико-правового наследия славянофилов выдающимся русским юристом и философом права П.И. Новгородцевым. Взгляды П.И. Новгородцева на славянофильские идеи являются отражением общей тенденции переоценки политико-правовых ценностей, произошедшей в либеральных научных кругах после революции октября 1917 года. Результаты русских революций, их горький опыт заставили П.И. Новгородцева и других наиболее известных русских юристов по-новому взглянуть на политико-правовую и социальную доктрину славянофилов.

В своем фундаментальном труде «Об общественном

¹⁷ Аксаков И.С. О праве обычном, игнорируемом нашими юристами // И.С. Аксаков. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 625-628.

¹⁸ См.: Котляревский С.А. Указ. соч. С. 355-357.

¹⁹ Котляревский С.А. Оздоровление//Из глубины: сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. М., 1990. С. 184-185

²⁰ См.: Антонов Е.А. Концепция иррационализма Н.Н. Страхова и современность // Современная социально-философская культура: проблема рационального и иррационального: Сб. материалов Международного науч. концепции. В 2ч. 4. I Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С. 16-20; Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда//Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1980. С.18

²¹ Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права /История философии права. — СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 509

²² К примеру см.: Тимошина Е.В. «Организмизм» как методологическая ориентация консервативной правовой философии / Право и политика 2000. №10. С. 13-14

идеале» П.И. Новгородцев в качестве негативных сторон славянофильства указывает на его связь с консервативными доктринами западноевропейских политико-правовых мыслителей, в частности, Жозефа де Местера. Особенно неприемлемым пунктом в доктрине де Местера, а стало быть, и у славянофилов П.И. Новгородцев считает отрицание ими понятия исторического прогресса.²³

В другой работе «Идея права в философии Вл.С. Соловьева» П.И. Новгородцев ее больше усиливает критику славянофилов, солидаризуясь с негативной оценкой этого направления политико-правовой мысли России, данной В. Соловьевым.²⁴ Особое место в критике занимают утверждения славянофилов о значении права в жизни общества и государства. Во след В. Соловьеву П.И. Новгородцев отмечает, что среди славянофильских фантазий едва ли не самой фантастической была та, согласно которой для русского народа политические права не важны и не нужны. Он приводит тезис, сформулированный К. Аксаковым, в его историческом значении выражавший суть славянофильского направления в политико-правовой мысли: «Русский народ есть народ негосударственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную. Взамен того, русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа». Это рассуждение К. Аксакова П.И. Новгородцев подвергает резкой критике. Он считал, что данное положение не соответствует реальной действительности. В связи с этим П.И. Новгородцев целиком и полностью соглашается с выводом С. Соловьева о том, что нравственная свобода, требуемая славянофилами для народа, без должных гарантий со стороны права и государства остается пустой фикцией.²⁵

Резюмируя общий ход всех рассуждений В.С. Соловьева он отмечал, что их существенный смысл состоял в противопоставлении В. Соловьевым неопределенной мечте славянофилов идеал правового государства, выработанный в правовой мысли Западной Европы.²⁶

В более поздних работах П.И. Новгородцев совсем иначе оценивает наследие славянофилов и Ф.М. Достоевского. Как мы увидели из предыдущего анализа научного творчества П.И. Новгородцева, он считал их правовыми нигилис-

тами. П.И. Новгородцев пересматривает роль и значение правовых и политических концепций славянофилов. Он приходит к выводу, что именно ими, в их трудах затрагивались наиболее глубокие основы и условия построения правового государства и гражданского общества.

Не этническое или хозяйственное единение является основой государственного и общественного единства, а национальная культура, национальные святыни, идеалы истины, добра и красоты. Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь.²⁷ «Вот почему, — писал П.И. Новгородцев, — мы ставим теперь на место автономной морали теonomicкую мораль и на место демократии, народовластия — агиократию, власть святынь».²⁸

В дальнейшем, как бы подводя итог своему научному творчеству, П.И. Новгородцев в работе «О своеобразных элементах русской философии права» довольно много места отводит анализу славянофильской философско-правовой доктрины. Русский мыслитель, философ и юрист П.И. Новгородцев однозначно относит славянофилов к тем идеологам, которые заложили основы своеобразия русской философско-правовой традиции, развитой в дальнейшем Ф.М. Достоевским.²⁹

Таким образом, анализ концепций славянофилов показывает, что их взгляды на государство и право оказываются не такими уж и наивными, как их пытались и пытаются представить сторонники прозападной ориентации.

Под влиянием славянофилов развивалась не только консервативная правовая мысль, но их идеи были восприняты и другими направлениями в политико-правовой идеологии России. Более того, под влиянием славянофильской политико-правовой доктрины по-прежнему находится определенная часть российского общества, что является лишним доказательством необходимости исследования и изучения славянофильских идей в современной юридической науке.³⁰

Подведем некоторые итоги. В целом славянофильская политико-правовая доктрина представляет собой романтический государственно-правовой проект. Поэтому он не мог воплотиться в реальную действительность. Однако те задачи, которые были сформулированы славянофилами остаются, они все еще не разрешены. Идеи славянофилов являют собой самобытный и творческий

²³ См.: Новгородцев П.И. // Об общественном идеале. — М., 1991. С. 97

²⁴ См.: Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. М., — 1991. С. 525-540

²⁵ См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале — М., 1991. С. 531

²⁶ См.: Новгородцев П.И. Указ.соч. С. 532

²⁷ См.: Соболев А.В. Павел Иванович Новгородцев // П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. М., 1991. С. 10.

²⁸ См.: Новгородцев П.И. Восстановление святынь // П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. М., 1991. С. 579.

²⁹ См.: Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // История философии права. СПб., 1998. С. 510.

³⁰ См.: Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. №10. С.26.

элемент русской культуры, не подлежащий забвению.

Главными идеями этого проекта, по нашему мнению, являются следующие. Прежде всего это постановка вопроса о соотношении права и морали, где основным сущностным аспектом является преобладание обязанности над правом. Эта проблема занимала и занимает одно из центральных мест как в отечественной, так и в зарубежной философии права. Можно сказать, что чисто русский вопрос приобрел мировое значение. Особенно он обострился и актуализировался в наше время.

Ценным представляется положение об отрицании понимания власти как привилегии, как права.

Идея власти как служения может быть отнесена к любой форме государственного правления: монархической, республиканской и т.д. Выдающийся российский ученый

— юрист либерального направления Л.И.Петражицкий так писал о социальном назначении государственной власти: «... государственная власть ... есть социально служебная власть. Она не есть «воля», могущая залить что угодно, опираясь на силу, как ошибочно понимает современное государство, а представляет собой приписываемое известным лицам правовой психикой этих лиц и других общее право повелений и иных воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе.»³¹ Замечательные слова! И как они созвучны с идеями славянофильства.

Политико-правовая доктрина славянофилов содержит множество догадок и прозрений, часть которых мы проанализировали в настоящей работе. Идеиное наследие славянофилов это запечатленный опыт национального самосознания.

³¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб 1907. С.209.